

А.Н. Муравьев

Мои воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Муравьев**
Мои воспоминания / А.Н. Муравьев – М.: Книга по Требованию, 2012. –
96 с.

ISBN 978-5-458-12020-3

ISBN 978-5-458-12020-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

которое мнѣ хотѣлъ дать мой родитель, и какіе были плоды первыхъ моихъ юношескихъ восторговъ. Съ тѣхъ поръ протекло 30 лѣтъ; послѣ столь большого промежутка времени любопытно, можетъ быть, и для самого себя прослѣдить въ отдаленности минувшаго, какимъ образомъ поэтическая склонность сперва уступила прозѣ, а потомъ обратилась на духовное поприще, избравъ предпочтительно себѣ цѣлью церковные предметы. Такое передвиженіе мыслей и чувствъ можетъ имѣть свою занимательность для наблюдающаго за постепеннымъ развитіемъ человѣческаго сердца. Скажу и то, что побуждало меня въ различные времена избрать тотъ или другой предметъ для моихъ сочиненій. Одно лишь скажу теперь, чего я не могъ своевременно замѣтить, что все сіе совершалось весьма естественно, само собою, безъ всякаго съ моей стороны напряженія и почти безотчетно.

Начну опять съ той минуты, когда въ лагерѣ подъ Адрианополемъ я рѣшился ѣхать во Святую Землю, ибо эта минута была самая рѣшительная въ моей жизни; въ то мгновеніе не разсуждалъ я ни о чемъ, и какъ бы внезапно посвятилъ себя и данный мнѣ та-

лантъ священной цѣли сего странствія, безъ всякаго мудрованія или какихъ-либо видовъ. Щедрою рукою вознаградилъ меня Господь, ибо все, что я ни приобрѣлъ въ послѣдствіи, какъ въ духовномъ, такъ и въ вещественномъ, истекло для меня единственно изъ Іерусалима, и надо мною оправдались слова Евангельскія: «всякъ, иже оставитъ домъ или братію (и прочая), имене Моего ради, сторицею приметъ» (Матѣ. 19). Это была минута, едва ли не лучшая въ моей жизни, за которую дѣйстви-тельно сторицею получилъ я воздаяніе. Еди-наго желалъ бы еще, чтобы исполнилось для меня и послѣдующее обѣтованіе Господне: «и животъ вѣчный наслѣдитъ». Но сіе послѣднее надобно заслужить цѣлою жизнію, и страшно, подвигаясь въ годы, видѣть, что скользишь назадъ, вмѣсто того, чтобы, не озираясь, на-правлять себя въ Царствіе Божіе.

Кто читалъ мое первое путешествіе, могъ довольно видѣть, какъ все мнѣ благопріят-ствовало; промысль Божій будто вель меня за руку. Не имѣя средствъ къ трудному стран-ствію, я нечаянно ихъ нашель и съ тѣмъ вмѣстѣ добрыхъ спутниковъ, тамъ, гдѣ ихъ не ожидалъ, какъ напрімѣръ въ Египтѣ, куда

привезъ меня Консулъ Тосканскій на своемъ суднѣ, и цѣлый мѣсяцъ угощалъ у себя въ Александріи и Каирѣ. Въ Іерусалимѣ приняли меня, какъ вѣстника мира, ибо я первый изъ Русскихъ явился туда послѣ войны, и едва вѣрили своему счастью утѣшенные христіане. Бурей, но безвредно, принесло меня въ Кипръ, на Арабской ладѣ; изъ Кипра же на кораблѣ бывшихъ Греческихъ пиратовъ, чего я самъ не зналъ, доплылъ и до береговъ Анатолиі, и дивился, что насъ избѣгаютъ малыя суда на Архипелагѣ, но капитанъ служилъ мнѣ вѣрой и правдой.

Въ Анатолиі, только наканунѣ моего приѣзда, переловили страшную шайку разбойниковъ, которая во все время войны тамъ свирѣпствовала, такъ что всѣ окрестные жители заключались въ города; мнѣ же открылся свободный путь въ Смирну и далѣе въ Царьградъ. Въ Смирнѣ испыталъ я сильный припадокъ холеры, еще тогда невѣдомой въ Европѣ, но которая явилась къ намъ въ томъ же году; и что же?—не постигая самъ своей болѣзни, я исцѣлился тѣми средствами, которыя бы могъ предписать только опытный врачъ: сперва усиленнымъ движеніемъ, вер-

хомъ и пѣшкомъ, такъ какъ это случилось дорогою, а потомъ теплыми припарками и сильною испариною. Изъ Царьграда, настигнутый ужасною бурей, два дня я носился по Черному морю, почти безнадежно, и хотя разбились многія суда, мы благополучно достигли до Одессы.

Тамъ, наконецъ, когда я вышелъ изъ карантина съ однимъ лишь червонцемъ, первая моя встрѣча была съ родственникомъ, который довезъ меня до Тульчина и далъ средства доѣхать до Москвы. (Наканунѣ Ильина дня, ступилъ я въ Одессѣ на родную землю, и съ радостью услышалъ всеобщую службу на родномъ языкѣ; отъ того чествую всегда день сей перваго моего возвращенія изъ Иерусалима, равно какъ и день Благовѣщенія, когда впервые поклонился я гробу Господню, къ этому же великому празднику возвратился я изъ вторичнаго моего странствія). Друзья мои и товарищи двухъ-лѣтняго похода, отпускавшіе меня какъ-бы на смерть изъ Адрианополя, и которымъ я завидовалъ по малодушію, потому что они возвращались на родину, когда мнѣ предстоялъ дальній путь, въ то время опасный, зимою безъ пароходовъ и въ чум-

ныхъ мѣстахъ, еще не возвратились; они только переходили черезъ Молдавскую границу, послѣ труднаго зимняго похода, а я уже былъ въ Одессѣ, совершивъ утѣшительное странствіе, и прежде ихъ достигъ родины. Такимъ образомъ Господь благословилъ входы мои и исходы, и видимо меня осѣнила рука Господня. О, если-бы всегда я былъ достоинъ Его милости!

Никто не ожидалъ меня въ Москвѣ, потому что слухъ пронесся о моей смерти. Помню, что, когда пришелъ я навѣстить духовника моего на Покровкѣ (при церкви Воскресенія въ Барашахъ), услышалъ я изъ сѣней разговоръ его съ однимъ пріѣзжимъ изъ Иркутска, отъ старшаго брата моего³, который желалъ обо мнѣ имѣть извѣстіе. Добрый старецъ говорилъ: «Богу одному извѣстно, гдѣ теперь находится А... Н..., а у насъ пронеслись неприятные слухи, будто его нѣтъ въ живыхъ». Въ эту минуту я отворилъ дверь; оба они вспрыгнули съ своихъ мѣстъ и едва опомнились, думая, что

³ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, бывший Декабристъ, позднѣе Нижегородскій Губернаторъ, женатъ на кн. Шаховской, † 1863 г.

предъ ними привидѣніе. Батюшка⁴ былъ огорченъ тою же вѣстію, и обрадовался мнѣ, какъ воскресшему.—Въ деревнѣ⁵ засталъ я брата Николая⁶, недавно пріѣхавшаго изъ Грузіи, послѣ десяти-лѣтней разлуки, въ ту минуту, какъ онъ отправлялся въ Петербургъ, и радостно было наше свиданіе. Такъ мнѣ все удавалось.

Въ деревнѣ я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы заняться описаніемъ моего путешествія. Главныя черты его, особенно поэтическія, впечатлѣнія духовныя и живописная мѣстность, были записаны на самыхъ мѣстахъ, но свѣдѣнія историческія заимствовалъ я изъ богатой библіотеки батюшки. Тутъ почувствовалъ я впервые необходимость изучить церковную исторію, потому что мнѣ до этого была извѣстна только священная и святыхъ, и я рѣшился прочесть всю пространную исторію аббата Флери; многочисленныя выписки его изъ святыхъ отцовъ заставили

⁴ Николай Николаевичъ Муравьевъ, основатель Училища Колонновожатыхъ въ своей подмосковной Можайскаго уѣзда, въ селѣ Осташевѣ, математикъ и отецъ даровитыхъ сыновей.

⁵ т. е. въ Осташевѣ.

⁶ Николай Николаевичъ Муравьевъ «Карскій», авторъ драгоцѣнныхъ записокъ. Скончался въ 1866 г.

меня обратиться къ ихъ твореніямъ: я приобрѣлъ въ послѣдствіи такъ-называемую Библиотеку святыхъ отцовъ, или лучшія изъ нихъ извлеченія, на французскомъ, въ 36 частяхъ, и еще житія пустынныхъ отцовъ Востока. Это совершенно ознакомило меня съ духомъ и дѣянiями святителей его и отшельниковъ. Такимъ образомъ, Иерусалиму я былъ обязанъ первыми моими свѣдѣніями о исторіи Вселенской Церкви и ученіи св. отцовъ, и это былъ первый мой шагъ на поприщѣ духовномъ.

Такъ протекла осень; въ Ноябрѣ надобно было ѣхать въ Петербургъ; мнѣ это было страшно, потому что съ самаго дѣтства оставилъ я Сѣверную столицу и всѣ лучшіе годы мои протекли въ Москвѣ или въ Южной Россіи. Свыше всего я любилъ природу, какъ и теперь, и мнѣ казалось страннымъ привыкать къ новому образу жизни столичной и къ суровому климату, послѣ привольной жизни на Югѣ и двухъ-лѣтняго похода, который заключился для меня поэтическимъ путешествіемъ. Самыя обстоятельства соединились какъ-бы нарочно, чтобы въ мрачномъ видѣ представить мнѣ нежеланный путь. Время было зимнее и повсюду свирѣпствовала

холера, между Москвою и Петербургомъ было нѣсколько карантиновъ. Братъ мой, съ которымъ я ѣхалъ, только что овдовѣлъ и, убитый горемъ, возвращался въ Петербургъ: нерадостно было такое путешествіе!

Въ Петербургѣ ожидало меня гостепріимство въ радушномъ домѣ Мальцовыхъ, которые съ дѣтства меня знали въ Москвѣ, но и у нихъ нашелъ я горе; я пріѣхалъ къ нимъ наканунѣ шестинедѣльнаго поминовенія старшаго любимаго ихъ сына, и первый мой выѣздъ былъ для панихиды въ Невскую Лавру: тутъ впервые увидѣлъ я митрополита Серафима и добродушнаго намѣстника Лавры Архимандрита Палладія, который сдѣлался въ послѣдствіи моимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, первая стихія, въ новой для меня жизни столичной, была церковная, а первымъ впечатлѣніемъ—горе: это не располагало къ разсѣянности свѣтской.

Дорогою въ Новгородѣ былъ я въ Юрьевской обители у Архимандрита Фотія⁷; я имѣлъ къ нему письмо отъ нашей сосѣдки по деревнѣ, Княгини Мещерской, которая въ

⁷ † 26 февраля 1838 г.

свое время играла большую роль въ Петербургѣ, по дружбѣ къ ней Императора Александра, и была въ сношеніи съ высшими духовными лицами того времени. Она не любила Фотія, но Фотій уважалъ ее. Приѣмъ его однако показался мнѣ страннымъ; вышелъ онъ въ бѣломъ подрясникѣ, въ черной шелковой мантии, застегнутой золотою цѣпью, и, пристально на меня взглянувъ, спросилъ: «какъ ты спасаешься и дѣвствуешь ли?» Я отвѣчалъ: «какъ Богъ помогаетъ». Вѣроятно, ему понравился отвѣтъ мой, потому что онъ весьма ласково началъ со мной обращаться; много спрашивалъ о Іерусалимѣ и спросилъ, знаю ли я «Анну»? Въ свою очередь и я спросилъ Архимандрита: «кто сія Анна?» Изумился Фотій: «какъ, и ты не знаешь Графини Орловой-Чесменской?»⁸—сказалъ онъ,—хочешь ли, я тебѣ дамъ къ ней письмо?» Но я отказался отъ письма, потому что Княгиня Мещерская предупредила меня не слишкомъ вѣряться

⁸ Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, о которой много неизданныхъ свѣдѣній имѣется въ архивѣ Н. С. Мальцова, племянника князя С. Н. Урусова. Она неоднократно поддерживала Андрея Николаевича въ изданіи его сочиненій (Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М. № 97). Скончалась 5 октября 1848 г.

Фотію, который сейчас захочетъ быть моимъ руководителемъ. Это еще болѣе его удивило, потому что всѣ искали знакомства съ Графиней черезъ него. «Ты непременно долженъ познакомиться съ нею, и я напишу о тебѣ Аннѣ», повторилъ онъ. Отпуская меня съ благословеніемъ, Архимандритъ велѣлъ показать мнѣ всю святыню Софійскаго собора, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе.

Въ первую субботу послѣ моего приѣзда, почтенный старецъ И. А. Мальцовъ⁹ повезъ меня ко всеношной въ Лавру, въ домовую церковь митрополита, и послѣ службы мы къ нему вошли въ келлію; тамъ я увидѣлъ блистательную свѣтскую даму, въ которой никакъ, не знаю почему, не могъ угадать Графиню Орлову; предполагалъ встрѣтить въ ней что-либо похожее на Московскихъ богомолокъ; и узналъ ее только тогда, когда начала

⁹ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ, глава даровитой семьи Мальцовыхъ. Личность замѣчательная, бытовая. Женатъ былъ на женѣ Василія Львовича Пушкина Капитолинѣ Михайловнѣ, скончался въ 1853 году, на другой день по кончинѣ Князя П. А. Шихматова. Среди бумагъ А. Н. Муравьева сохранилось Слово о почившемъ И. А. Мальцовѣ; здѣсь къ И. А. примѣнено изреченіе Евангельское: «се воистинну Израильтянинъ, въ немъ же лъсти нѣсть» (Іоан. I, 47).